

ПЕРЕДАЧА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ЕВРАЗИИ

Президента, как и Родину, не выбирают

Ельцинский режим блестяще преодолел самый опасный для него кризис — кризис преемственности власти. И преодолел его в особо трудной, осложненной форме. Можно сказать, что это была экспериментальная ситуация проверки режима на прочность. Президент до последнего часа, до «цейтнота», не мог найти преемника. Правящий слой уже начал самоорганизовываться и независимо от президента приискал себе лидера — Примакова. Наконец, тот преемник, на котором Ельцин остановил свой выбор, был абсолютно неизвестен не только простому народу, но даже политической элите. Страшная для «семьи» и режима перспектива раскола элиты и действительно альтернативных выборов, при которых судьбу верховной власти решал бы народ, казалась уже неизбежной. Но Ельцин и созданная им система идеально справились с испытанием.

Новогодняя отставка президента окончательно ликвидировала все элементы случайности, которые теоретически еще могли иметь место, превратив грядущие президентские выборы в фактически безальтернативные. Преодолев главный кризис, создав прецедент и механизм преодоления подобных кризисов в будущем, ельцинский режим приобрел законченные, классические формы и продемонстрировал то оригинальное лицо, которое выделяет его из массы подобных режимов. В чем же его оригинальность? Авторитарных режимов, в той или иной мере сочетающих реальное отстранение народа от важных политических решений с демократическими формами, псевдовыборами и псевдореферендумами, было и есть множество. Но своеобразие нашего режима заключается в том, что оба эти элемента — и отстранение народа от власти, и демократическое прикрытие этого отстранения — у нас присутствуют в особо яркой форме.

С одной стороны, в определении преемника и в способе передачи ему власти ельцинский режим показал себя независимым не только от народа, но и от «господствующего класса», в значительно большей степени, чем любой другой режим — даже режимы, считающиеся скорее тоталитарными, чем авторитарными. Я не представляю себе, чтобы какие-либо авторитарные властители и их «семьи» могли быть до такой степени свободны и самовластны, чтобы подбирать преемников из абсолютно неизвестных людей за полгода до передачи власти и обеспечивать эту передачу. Обычно преемники — это кто-то из «старых сподвижников» властителя, давно известных народу и элите, да и передача власти никогда не бывает такой гладкой и легкой.

Самый тиранический монарх ограничен принципом династии, и Иван Грозный не мог, например, передать власть Малюте Скуратову. Любой тоталитарный вождь на деле очень ограничен своей идеологией и ее организацией, и невозможно представить себе Ленина или Сталина, которые даже в своих мыслях о преемнике выходили бы за пределы узкого круга Политбюро.

С другой стороны, если в других авторитарных и тоталитарных режимах демократическое прикрытие всегда — «сомнительное», это всегда какие-то выборы при отсутствии альтернативных кандидатов, без тайны голосования и независимых наблюдателей, то у нас процедура выборов может быть безукоризненно демократической по всем международным стандартам. Ограничения свободы слова и агитации, подтасовки и фальсификации у нас, конечно, были и будут, но они не так велики и главное — не являются

необходимым элементом системы. Подтасовывать, строго говоря, ничего не нужно — народ и так совершенно добровольно, при самых разных альтернативных кандидатах и полной свободе агитации проголосует за начальство или того, на кого укажет начальство.

Нельзя отрицать, что кандидатура Путина удачна, а вся операция с его назначением и «организацией» его рейтинга, подробности которой мы узнаем еще не скоро, была просто блестящей. Но и преувеличивать их значение тоже не следует. Если бы Ельцину не разонравился Степашин, народ так же или почти так же полюбил бы и этого преемника. Если бы Ельцин не трогал Черномырдина, безальтернативным кандидатом стал бы Черномырдин. Любой премьер-наследник у нас тут же набирал рейтинг — просто потому, что он наследник, и особенная популярность Путина в значительной мере связана не только с его качествами, за которые он получил в Ленинграде кличку «штази», и войной в Чечне. Она связана и просто с тем, что после чехарды с преемниками обществу наконец указали «окончательного», и народ исполнился искренней благодарности, что его не оставили без начальства, освободили от бремени самостоятельного решения и теперь он может идти на выборы, точно зная, за кого голосовать. Человека, с которым связано это освобождение от выбора, народ на какое-то время просто не мог не полюбить.

Почти абсолютная закрытость реальной процедуры выбора преемника и полнейшая произвольность этого выбора у нас может сочетаться с полной открытостью и честностью формальных народных голосований. «Азиатская» авторитарность реального механизма принятия решений — с «европейской» демократичностью их последующей легитимизации. (При этом легко заметить, что эти два элемента нашей системы — взаимосвязаны. Именно потому, что легитимизация закрытого и произвольного решения на свободных выборах практически предрешена, и решение может быть столь произвольным, и выборы могут быть почти свободными.)

Такое сочетание абсолютного произвола и вполне демократических форм — именно наша российская, постсоветская особенность. Такого мы не найдем ни в Азербайджане, ни в Туркмении, ни в Сирии, ни в Египте, ни в Корее. И я думаю, что эти особенности нашего режима отражают глубокую оригинальность нашей культуры.

С одной стороны, наше общество в большей мере, чем какое-либо другое, — общество атомизированных индивидов, не связанных друг с другом и не способных организовываться независимо от власти и против власти. При наших традициях мы не смогли за десять лет создать гражданское общество западного типа — систему независимых от государства добровольных организаций. (Фактически единственная реальная и мощная общенациональная, независимая от власти организация у нас — это КПРФ.) Нет у нас и никаких серьезных идеологий, которые были в начале нашего века и которых сейчас нет вообще. Но у нас нет и той системы прочных традиционных связей (региональных, кланово-племенных, религиозных и др.), которая есть в любой стране третьего мира и которая тоже делает общество относительно «неподатливым» для власти. Естественно, что опасности гражданской войны в таком обществе нет. И в то же время из-за нашей травмированности историей ситуация даже относительной и временной неопределенности в вопросе о власти ощущается народом как катастрофа, вызывающая образы гражданской войны, анархии, террора и т. д. Общество, не имеющее ни традиционалистских, ни современных мощных связей и лояльностей, которые ограничивают власть, и в то же время страшно боящееся

остаться без власти, предельно «внушаемо» и «податливо». И если считать послушность власти, «податливость» ей чертой «азиатской», то наше общество — более «азиатское», чем большинство азиатских народов. Но с другой стороны, это общество по своим культурным ориентациям — неизмеримо более западное, чем азиатские страны с древними самостоятельными культурными традициями. Это — общество, постоянно сравнивающее себя с Западом и видящее на Западе свою модель будущего. Мы действительно не европейское, не азиатское, а евразийское (или «азиопское») общество, для которого одинаково органичны как западные формы, так и глубоко «не западные» психология и реальное общественное устройство, и где западные формы используются для укрепления и усиления «азиатского» содержания.

Для меня несомненно, что установившаяся система, идеально соответствующая состоянию нашего общественного сознания и глубоко органичная нашей культуре (внедрение западных форм для консервации и усиления вполне «азиатского» деспотизма началось с Петра I), — всерьез и надолго. Главную «планку» демократического пути — реально альтернативные выборы верховной власти — российское общество не взяло, и в следующее тысячелетие мы войдем народом, который ни разу за всю свою историю не выбирал верховную власть. Более того, похоже, что теперь безальтернативность обеспечена нам минимум до 2008 г., а скорее всего — и позже. Как относиться к этой перспективе?

Естественно, что ликование по поводу только что назначенного начальника, о котором ничего хорошего не известно, но который вдруг может оказаться и «реформатором», — глупо. Но и традиционное русское самобичевание, разговоры о том, зачем мы родились (якобы «с умом и талантом») в «стране дураков», которые очень скоро, очевидно, сменят теперешнее ликование, — тоже излишни.

Реальность не очень хороша, но и не так страшна. Если перестать постоянно сравнивать себя только с высокоразвитыми странами и оглянуться вокруг, легко заметить, что другие народы еще дальше от демократической нормы, чем мы. То, что азиатские общества менее податливы своим начальникам, чем наше, еще не значит, что они ближе к демократии, — в них лишь всегда присутствует возможность каких-то альтернативных авторитаризмов вроде замены шаха на аятоллу Хомейни. Хотя мне думается (здесь я согласен с Игорем Малашенко), что Путин, пришедший в отличие от Ельцина не под лозунгами демократии, которые всегда в какой-то мере ограничивали нашего первого президента, а с лозунгом порядка и «государственности», скорее всего, внесет во власть новый, более жесткий стиль, тем не менее полного отказа от демократической формы, скорее всего, не будет. Установить жесткую насильственную дисциплину в таком обществе, как наше, не менее трудно, чем создать настоящую демократическую систему власти. И главное — не нужно. Надо быть просто фанатиком дисциплины и любителем садистских ощущений, чтобы насиловать страну, которая и так с охотой тебе подчиняется.

Между тем при всей формальности нашей демократии она в какой-то мере постепенно наполняется реальным содержанием. Возникла уже очень устойчивая привычка к выборам, к свободе слова, искоренить которую будет практически невозможно. Более того, на региональном уровне у нас уже могут быть вполне «настоящие» выборы с непредсказуемым исходом. Очевидно, что страх перед неопределенностью свободных выборов и необходимостью самим решать свою судьбу в следующем поколении будет несомненно меньше, чем в предыдущем. И в каком-нибудь 2020 г. впервые в русской истории народ выберет не того, кто уже стал его начальником или на кого этот начальник укажет, — тогда и начнется действительно демократическое развитие страны. Дожить до этого времени

удастся не всем, но подготовить страну к такому выбору — задача как раз нынешнего поколения.